

Виктор
Дятлов

МОЙ ДОБРЫЙ КОНЬ

Рассказ

1

Увидев в окно фигуру председателя, Тимофей понял, что мимо он не пройдет. Значит, и его время пришло. Раньше ждал, но председатель все стороной, все побогаче искал. И какой богачей Краюхин? Тимофей прошел в сени, распахнул дверь в избу, – а председатель уже на крыльцо поднимается.

– Никак встречать вышел? – спросил председатель и встал перед застрывшим в косяке Тимофеем.

– Да вот в оконце глянул – вижу, гость на дворе, ну а мы гостей и званых, и незваных встречать привыкли.

– А может, я по-родственному?.. – улыбнулся председатель.

– Да у твоей бабки забор горел, а мой дед задницу грел – вот и вся мы родня с тобой, Иван.

– Скажем прямо, и не набиваюсь, – нахмурился председатель. – Так, к слову пришлось. Да и не в гости, сам небось понимаешь, пришел.

– Небось понимаю, – вздохнул Тимофей и шагнул назад, освободив наконец дверь. – Давай, заходи.

Прошли в избу, уселись за стол, уставились друг на друга и молчат, словно в гляделки играть задумали.

– У тебя ведь две лошади, Тимофей? – вдруг спросил председатель. – Так что одну придется в колхоз... а с одной тебе самому неинтересно оставаться. Так что давай уж лучше со всем скарбом перебирайся?..

– Не-е, Ваня! В колхоз ты меня и силком не затащишь, – лениво отмахнулся Тимофей.

– Да силком кто ж ты тащить-то будет? Силком – нету такого приказа. А зря! Таких, как ты, я бы силком, коль свою пользу не видишь.

– Кто видит, а кто нет, – хмыкнул Тимофей. – Ты, может, и видишь...

– Да, я вижу! – обидчиво возвысил голос председатель.

– А я про что? Ты блюдешь мою пользу, и земной поклон тебе за это. А ты слушай сюда: есть у меня земелька, есть две лошадки; засею я эту земельку, соберу зерна, и хватит его и мне со старухой, и детишкам. Вот тут моя польза и есть. А ты про какую пользу мне толкуешь?.. Что молчишь-то?.. Ты не гляди так... словно жалеючи. Не дурак чай, небось не пропаду, а потому, отступишь ты от меня с колхозом-то, а?

Председатель Иван смотрел в окно и усмехался: мол, так и знал, что скоро тебя не уломаешь. Потом, подумав, развесело махнул рукой и сказал:

– Ну ты к богу в рай, не желаю я тебя больше агитировать. Сам знаю, каким хребтом нажил ты свое «богатство».

Тимофей усмехнулся.

– Но я тебе вот что скажу: неужель же советская власть худа тебе желает? Дала тебе землю, а теперь, зная, время пришло вместе пахать эту землю. Тут уж тебе ни кулачья, ни голытьбы – всем поровну.

– Несерьезный ты мужик, Ваня! Иди ты к эдакой матери со своим «поровну»! Все с той же припевкой... Забыл, что ль, скотину не отбирал? А много ль жиру мы нажили с твоей коммуной? Чуть не передохли все к чертовой матери! Ребятня моя, как телятки какие, с утра пастись в поле уходили, зверятами траву щипали, пухли, аж лопались от харчей, которых ты наготовил...

– Брось, брось! – словно чего испугавшись, вскочил председатель. – Это ты брось, – прошептал он, зло сузив глаза, и вдруг закричал с обидой, в одинокой тоске своей: – Так это я не наготовил вам харчей?! Я чуть не сгубил вас и ваших детишек?! Ах, вы сукины дети!!! Это вы! Вы, с вашим уродством в мозгах, губили своих детей! Разве о детях вы думали? О скотине своей каждый думал: кабы моя лошадка боле соседовой не поработала. Друг за дружкой глядели, тут уж не до работы. Мол, что скотину-то гонять: у соседа одна лошадь на поле, у меня две, при дележе я боле и оторву... Аль не то я говорю, Тимофей?.. – И, поняв Тимофеево молчание как признание своей правоты, успокоился немного, завертел головой изумленно: – Я им харчей не наготовил... Ну и удумали, мудрецы. Я б вам наготовил, будь моя воля.

Походил, походил председатель, совсем успокоился, аж сел.

– Ну что молчишь?

Тимофей готовно вскинул голову, словно ждал, когда его спросят, что он молчит, эдакий-разэдакий. Его глаза покойно глянули на председателя, словно и не бегал тот только что по избе, не ругал его обидными словами. Встревожился председатель, увидев эти глаза.

– Так ежели я что скажу, тебе ж слаще не будет. Ты мыслишь, мол, пошумел я, пужанул Тимофея, и совесть в нем зыграла, сейчас слезомойничать зачнет. Мол, прощеньица прошу, кум Ваня, не туды я мордой тыкался, а ты мне зенки разлепил, мол, пиши меня, кум Ваня, в колхоз со всем моим хозяйством... Так вот хрен те, Ваня, с ентим самым маслом... Разбежался, аж спотыкаюсь. Пушай записываются, кто удумал это, а я при этой земле нахожусь, и мне сподручнее сообразить, как жить-поживать и добра наживать.

Увидев, как все глубже уходят тоскующие председателины глаза под негустые, клочковатые брови, как побежала от переносицы вверх по лысеющему лбу складка, Тимофей подумал: «Обиделся. Ну да бог с тобой – иначе от тебя не отбоаришься». Встал, отошел к окну, глянул на улицу: вот-вот скотину с пастьбы должны гнать.

– Прощай меня, ежели забидел. Я, к примеру, никаких обид к тебе не имею, и ты, будь друг, отступишь от меня... Устал небось агитировать-то меня, да и жена дома со щами заждалась? – ненавязчиво, мол, всяко бывает, пошутил Тимофей.

– Правда твоя, устал малость, – сказал председатель, нехотя поднимаясь со стула.

Взглянул напоследок в Тимофеевы глаза – все так же покойны, и еще что-то в них, но это «что-то» на самом дне спрятано, не угадать.

На пороге оглянулся:

– Не буду больше агитировать-то.

Тимофей все стоял у окна и видел, как председатель вышел со двора и осторожно прикрыл за собой калитку. Быстро прошел мимо окон и не взглянул, но Тимофей успел заметить так и не разгладившуюся бороздку на лбу.

2

Тимофей управлялся со скотиной, поил, кормил, вычищал навоз, а сам все тревожился одной думой. Неужто придется-таки расстаться с одной лошадьёю? Не за что не про что, взять и отдать задарма... Да разве есть такая сила, которая вложит мне в руку узду с тем, чтобы я самолично отвел одну из кормилиц своих на общественную конюшню? Эдаким же макарком я могу положить руку на плаху и сказать: «Рубите – у меня еще одна есть». Да я детишек своих мене жалел, они у меня за семь верст пехом в школу ходили... лошадей к весне берег...

Кончил Тимофей со скотиной управляться и повеселел: пришла ему в голову мысль, от которой он совсем успокоился.

Было у Тимофея детей всего пятеро, но полноценным помощником был пока что только старший – Андрей, совсем уже взрослый парень. Во всем уже вровень с отцом шел, и на пахоте, и на косьбе – да что говорить, совсем уж мужик. Гораздо старше был он своих сестренек и братишек. Родился еще перед германской войной, а когда после революции, вдоволь нагонявшись по Волге за белоказаками, отец вернулся домой, Андрей был не столько его возвращению рад, сколько коню, на котором прибыл с войны Тимофей Краухин.

А остальные-то уже при лошади родились – это Володька, Любаша, Костя и Оля. Володька – какой-никакой помощник, а уж Андрей... на равных идет с отцом.

«Говорил же я, председатель, – успокоенно думал Тимофей, – что не видать тебе моей лошадки, так оно и выходит. Уж тут как хошь... ан не выходит по-твоему! Андрюха самостоятельный уже, хозяин будет – поискать... И за невесту-то голова особо не болит, чай не первый раз об этом деле думал».

Тимофей сидел на лавке у ворот, тянул свою самокрутку, когда в конце улицы медленно вывернула из-за угла арба, груженная сеном. Лошади фыркали, арба натужно скрипела, сено свешивалось до самой земли, казалось, лошадей впрягли прямо в стог. Серьезный Андрей стоял на стогу и правил лошадьми, изредка чмокал губами и дергал вожжи, зная, однако, что и лошади не пойдут быстрее, да и не нужно этого, а то эдак можно все сено растерять, но уж тут так положено, коль взял вожжи в руки – лошади любят серьезное обращение. За спиной Андрея возилась ребятня, и мать то одного, то другого шлепала по затылку, кто уж вовсе норовил и на землю сверзиться.

– Спишь, хозяин? – закричала Анна с верхотуры воза. – Отворяй ворота – работнички приехали.

Тимофей медленно поднялся, подошел к остановившемуся возу, глянул снизу вверх – свесились навстречу ему головы ребятнишек, рожи в земляничном соке, рты до ушей: вернулись домой, наконец, и вон батька их встречает. Добрая усмешка скользнула по Тимофеевым губам: и я, мол, рад, что вернулись.

– Порядок! – довольно улыбался Андрей. – Вовремя это мы... А то как бы завтра дождина не ливанул – сохло бы еще неделю.

Тимофей взглянул на жарко пылающую вечернюю зорьку, на холодные синие пласты облаков на алом небе и согласился:

– Порядок.

Распахнулись ворота, проглотили скрипучий постанывающий воз и снова захлопнулись.

Назавтра, еще с ночи, пошел дождь.

Узнав про скорую неминуемую свою свадьбу, Андрей вначале растерялся, но показали ему невесту, ухоженную, румяную Павлу, дочь зажиточного хозяина Кузьмы Лобова с соседнего хутора, посулили дом и лошадь, и Андрей снова растерялся. Узрев все эти лестные богатства Павлы, Андрей после смотрин аж затосковал, ожидая свадьбы и первой своей ночи с ней, а тут новый дом и Буян отходили в его единовластное пользование.

Еще и свадьбы не было, а Андрей уже мужик мужиком ходил. И на гулянье вечером не показывался, что ему без пользы девок по углам тискать, когда у него жена под боком, вся для его удовольствия на законном основании, что ему чужие сортиры по огородам валять или колеса с телег у хозяев снимать и на столбы вешать, когда он сам хозяин и этой шантрапы должен стеречься.

Свадьбу отгуляли, как только построили дом для молодых. Гостей было не ахти сколько, зато почти все свои, родня. Каждый помог чем мог: кто самогоном, кто харчами. Людская вышла свадьба, нормальная. Как и положено, к полночи все уже упились в дым, и особо стойкая толпа любопытных односельчан могла наблюдать в окна, как свояк разит в зубы свояка, припомнив давнишние счеты и обиды, а где подвернется более удобный случай, как не на свадьбе; как под разудалый гармошкин скрип выкаблучивают ряженные; как кум к куме с шутками подкатывает: кума, мол, кума, тетете, а сам шасть под юбку, – дрызг – по лысине схлопотал, я, мол, тоже шутя, – и к жене волокет, а та мужу бороду пропальывает и куму норовит карающей рукой задеть, мол, поводу не давай.

А Тимофей, пройдясь, умиротворенно позыркивал в окно, мол, не бойсь, все, как у людей. А на крыльце белеет чья-то рубаха, там кто-то лежит и пузыри пускает. Давно охрипшая собака спряталась в конуру и не показывается. Их! их! их! – вскрикивает кто-то истово в избе и лихорадит не только пол, но и стены, и потолок.

Почти забытые, усталые, с красными лицами сидят жених с невестой и, не глядя друг на друга, разговаривают о чем-то. О чем могут разговаривать малознакомые люди? Пока о многом.

Разбрелась свадьба отсыпаться для нового дня, лишь мать с тещей остались, чтобы по обычаю проводить молодых в постель, но и этих, буркнув «без выкрутасов», Андрей вытолкнул потихоньку за дверь. Остались они вдвоем с Павлой в новой избе, вдруг за день обжитой, теперь пахнувшей людским потом, самогоном, кислыми харчами.

Андрей шагнул к жене, она встала навстречу, опустив глаза. «Так вот ты какова, моя жена!» – подумал он, зашарив по ее плечам, груди, спине, и нашел, что тело, которое отныне принадлежит ему, вполне удовлетворяет его. Он крепко поцеловал ее мокрые холодные губы и, сказав «стели», вышел во двор.

Луны уже не было. На западе еще сверкали полной своей яркостью звезды, к востоку они бледнели и исчезали вовсе на всё более голубой и прозрачной рассветной полосе. Сразу за домом начиналась степь, неугомонившаяся за ночь и по-прежнему певшая и стрекотавшая на все лады, и оттого наполняющая ночь особой, живой, трепещущей тишиной.

Рядом на базу хрупал сеном, пофыркивал от утренней росы Буян. Андрей прошел к нему, повел рукой по хребту, так и не покрывшемуся за лето упругой мякотью плоти, по боку, ощутил каждое ребро. Еще ощутил, как у самого сердце в истоме распирает ребра.

– Эх ты, беднота, – усмехнулся Андрей, – а еще Буян. Ну да нас не спрашивают, как ты назвать, нарекут, и пользуйся всю жизнь. Ну ты у меня еще будешь Буяном, а? Будешь? – засмеялся Андрей.

Состояние восторга, охватившее его с того момента, когда гости разошлись и он ощутил себя хозяином всего того, что вмещали в себя дом, двор, баз, не покидало его. И чем чаще он сталкивался с тем, что теперь принадлежало ему, тем полнее ощущал он свою власть над миром вещей, и даже каким-то неведомым чувством он ощущал границы того пространства, где он был хозяином. И даже столб атмосферного воздуха, заключенный в этом пространстве, начинаясь на земле у его ног, уходил ввысь, в космос, становился кусочком Вселенной – и тоже принадлежал ему.

Обхватив лошадиную морду, Андрей ткнулся губами, пахнущими вином, во влажную Буянову ноздрю, отшатнулся и пошел к Павле, тихонько засмеялся, услышав, как за спиной фыркает лошадь.

В избе было темно, но в слабом рассветном сумраке белела постель, на которой лежала женщина и ждала его. Андрея зазнобило. Он сел на край постели и стал медленно раздеваться, но из-за спины незримые щупальца сдавили ему горло, торопили его, помогали непослушным рукам.

– Захолодал весь, – прошептала Павла, – давай погрею...

Ноги, плечи, всего Андрея обдало нежным ласковым жаром. Топясь в этом жаре, он скоро почувствовал боязнь и стыдливость в нем. «Слишком телом богата, огня мало, – подумал он о жене, – ну да ничего». Он стал целовать ее плечи, шею, больно и жадно целовал ее грудь. Ласково улыбаясь и постанывая, она все крепче и крепче прижимала его голову к своей большой нежной груди.

«Ну вот и начали жить!» – подумал Андрей, когда Павла совсем стала его женой. Досадно было, что завтра надо догуливать свадьбу, а ему не терпелось заняться хозяйством.

4

Досадным бельмом на прояснившемся глазу председателя Ивана был его упрямый кум Тимофей Краюхин и его упрямый сын Андрей. Или нет. Вот даже не бельмо, а соринка какая-то случайная. Вроде и ветра-то уже особого не было, вроде и пыль улеглась, а чуть открыл глаз, она – хлоп и тама, и будь здоров, живи и удивляйся. И что обидно – такая зараза, маленькая, что грубой пятерней ее оттуда не вытащить, самому больно будет, плачь, а терпи, жди, когда сама выйдет.

И на самом-то деле, уж и все богатеи, пусть не все, но перетасили часть добра в колхоз и теперь писались колхозниками, а Тимофей с сыном как ухватились за кобылий хвост и ни тпру ни ну, ни богу ни черту не верят – каждый только в свою кобылу верит. А хвалиться-то особым нечем. Каждый год – недород – вроде и война отгуляла давно, а земля все не оправится от немочи. Да и не терзали ее в этих местах особо: прошел отряд белых – расстреляли вожаков, которых оставили красные, вернулись красные – расстреляли вожаков, которых оставили белые, вошло железо в человечью мякоть, как и положено; ну уж а кто промахнулся от нетвердости глаза, то и попали в землю две-три пули, да и те случайно.

Как и всякий живой организм, земля гонит живые соки к ранам своим, чтобы быстрее зарубцевались, пусть это в ущерб здоровым местам – так что урожаем не баловала, в том числе и две семьи Краюхиных.

А в колхоз в тот год неожиданно подмога явилась: «чудо-юдо рыба-кит» на четырех колесах, два маленьких и два больших со шпорами, с железной дырчатой сиделкой – бравый и чумазый СТЗ. Сидит на сиделке бог, нимб с головы снял и в руках вертит: куда крутанет, туда машина и заворачивает.

Пощупал Андрей Краюхин вокруг головы – нету нимба, и не полюбил он эту машину, потому что обладать ею не мог.

– Видал? – спросил Андрей у отца.

– Видал, – сказал Тимофей.

– Трехлемешный плуг тянет и не тужится.

– А что ей тужиться! – сказал Тимофей. – Не скотина какая-нибудь, а машина железная... Ты к нам что не заглядываешь, аль забилел я тебя? Так, по-моему, сам знаешь, обижаться тебе грех.

– Брось ты это, батя. Два дня не зашел, сразу обижается. А дела кто будет делать?..

– Что дела? Зима на носу – пора все дела переделать.

– Зайду, – бросил Андрей, догадываясь, что отец сейчас просто дымит словами, что не затем он пришел, чтобы приглашать в гости. «Нудит, обиду корчит, чтоб отказать не смел. Не успел женить – уже тянуть начинает, старый хитрован».

– Подобрела у тебя лошадь, подкормил ты ее, – сказал Тимофей, уставясь в окно, словно лошадь эта там и стояла за окном.

– Есть маленько, – согласился Андрей.

Тимофей расстегнул пиджак, полез в карман гимнастерки, копался, копался, вдруг спохватившись, полез в другой, мол, запомятовал, вот, мол, она, и вытащил бумажку, сложенную вчетверо; макнул шершавый палец в рот, развернул ее и придал ладонью к столу – лежи, мол, не шевелись.

– Вот, председатель написал... Велит, чтобы я на этой неделе налог деньгами сдал, – коротко объяснил Тимофей ситуацию с бумажкой.

– Сам знаешь, батя, денег у меня нет, – усмехнулся Андрей.

– А деньги твои мне и ни к чему, – успокоил Тимофей.

– А что?

– Лошадь твоя нужна.

– Продать что ли хочешь?

– Испужался, сынок? – усмехнулся Тимофей. – Ни в коем разе. Как я могу – лошадь твоя. Помочь прошу. Я с одной своей не управлюсь, да и ты сам бы помог.

– Что помочь-то?

– Съездим в лес, свалим несколько стволов и продадим на хуторе мужикам.

Вот те и налог. Ну как?

– Мудрец ты, батя! Мол, сам отдал лошадь – не откажет, а откажи я – такой плохой сын.

– Аль откажешь? – спросил Тимофей.

– А мог бы, батя. Ведь ежели ты у меня ее отнимешь, у тебя ее в колхоз заберут...

– Значит, договорились! – прекратил Тимофей кураж сына.

– А поймают, батя? – по-серьезному забеспокоился Андрей.

– Э-э! Сейчас все хозяева, и никто не хозяин, – отмахнулся Тимофей. – Завтра к ночи и поедем.

5

Когда лесничий принес председателю акт о незаконной порубке гражданами Краюхиными отцом и сыном казенного леса, тот спервоначалу и не сообразил, что за журавля он в руках держит. Сразу полегчало как-то на сердце, а потом уж додумал, как распорядиться случаем. «Вы же у меня вумные как вутки, – радовался председатель, собираясь к куму в гости, – зря на рожон не полезете, и мы к вам с почтением – пожалте в колхоз... Как же это ты, кум Тимофей? Башка-мужик – на ровном месте споткнулся...»

Перешагнул председатель порог Тимофеевой избы и увидел, что все тут – смятение на лицах, паника в душе. «Обсуждение текущего момента, – веселился председатель, – только оргвыводы я теперь буду делать, и я их уже сделал. С нашим почтением, ежели будете вумные, как те вутки». Поздоровался – ответили только перепуганные бабы. Мужики молчали и соображали, почему в совет не вызвал, а сам пришел, а коль пришел, то стоит за дверью милиционер или не стоит. Решили, что должен стоять.

Председатель по-родственному подошел к Анне, словно его вражда с Тимофеем ее не касалась, шепнул на ухо, и Анна с невесткой собрали детей и ушли в избы к Андрею.

– Разговор будет сурьезный, потому я баб усрал. Так я говорю, кум Тимофей?

Председатель сутулился посреди избы, мялся, соображая, как ему подступиться к этим молчунам.

– Садись, что потолок подпирать.

Тимофей встал, придвинул к столу табурет и снова сел на место.

– А так, не так – тебе виднее.

Председатель ожил, быстро подошел к столу, бросил на столешницу свою шапку и, еще присаживаясь на табурет, взял быка за рога:

– Как же это ты, кум Тимофей... – совсем даже не серьезно, скорее даже с веселинкой какой-то начал председатель, так, будто не казенный лес крал Тимофей Краухин, а в пьяном виде прошел по селу без портов, а это уже больше смешной казус, чем преступление.

– Опять что ли совестить будешь? – наступил еще более Тимофей. – Ни к чему это...

– Нет, – с мягкой укоризной сказал председатель. – Что мне тя совестить? Совестить я могу сознательный общественный элемент – колхозника, а ты пока несознательный элемент, и совестить вас обоих, – тут он словно впервые обнаружил Андрея, – должен по всем законам наш советский суд, как буржуазных элементов, посягнувших на народное добро. Так я говорю, кум Тимофей?

«Тебе виднее, – думал Тимофей, – но коль сам пришел, знать, свой интерес имеешь, и нам малая надежда маячит», – и потому промолчал, перечить не стал.

– Вот тут у меня бумажка есть... – председатель вынул из нагрудного кармана листок, зыркнул на Тимофея и, развернув, стал читать: – «...Мы, ниже подписавшиеся, ... составили настоящий акт в том, что 25 ноября 1932 года...» – председатель опять зыркнул на Тимофея, дернул кустиками бровей. – Давай махнемся, кум Тимофей? Баш на баш! Я вам эту бумажку, а вы мне другую?

– Какую?.. – догадываясь, выдохнул Тимофей.

– Заявление, что вы хотите вступить в передовой сознательный коллектив трудящегося крестьянства.

Промолчав весь разговор и теперь не разлепив спекшихся губ, Андрей уже не слушал ни обмякшего отца, что-то бекавшего, мекавшего, ни председателя. Почувствовав, как принадлежавший ему кусочек Вселенной вдруг растворился, как растворяется маленькая капля ртути в еще большей, а вместе с тем исчезло из-под ног нечто твердое, что давало опору его подошвам и позволяло ему ощущать свой собственный вес, он стал безропотно погружаться в неведомое ему доселе состояние невесомости, стал сучить руками и ногами, таращить глаза в поисках опоры. Было ни темно, ни светло, ни жарко, ни холодно, можно было дышать, но не очень. Уж ни ангелом ли стал? Зашарил руками за спиной – крыльев нету. А нимб? Есть! Есть, родимый! Только проку пока мало: ласкает, щекочет руку, а ухватиться не за что. Одна фантазия и игра света. Что ж, подождем, пока окрепнет, затвердеет, чтобы опереться можно было.

6

Андрею везло в жизни: тайные его симпатии не остались неразделенными, и, снесдаемого вечным нетерпением, под новый год отвез Буян своего бывшего хозяина на курсы трактористов. Возница, везший Андрея, хватил в городе крепкого и, радуясь свежему коню, соскучившись по жене, которая на расстоянии в тридцать верст вдруг показалась особенно желанной и дорогой, нахлестывал бедного Буяна всю дорогу, не давая ему продыху, отчего бедная скотина при въезде в село вдруг споткнулась, въехала красивой своей мордой в укатанный полозьями снег и скончалась после недолгих мучений. Душа ее, видимо, попала в лошадиный ад, поскольку при жизни принадлежала она безбожной колхозной артели. Вот и кончил свои дни Буян, так и не успев полностью насладиться открывшейся перед ним новой и светлой жизнью.

7

Имел Андрей Краюхин летом 45-го года, едва война кончилась, следующий разговор с командиром танковой части, где служил механиком.

– Вот такая ситуация получается, Краюхин, – сказал командир части. – Пришла пора демобилизовать тебя, чего мне совсем не хочется делать. Прямо тебе скажу, механик ты милостью божией, и право, обидно мне отправлять тебя на «гражданку». Слышь, Краюхин, подавай-ка ты заявление на сверхсрочную, а?

– Не-е, товарищ командир, – услышав про дембель, обрадовался Андрей. – Тут дело решенное.

– Когда ж успел? – удивился командир.

– А еще как на фронт везли. Я, товарищ командир, все больше пахать, там... сеять приспособлен. Так что ежели бы на танке можно было, скажем... пахать, то я бы со всем удовольствием. Только ведь он все больше на стрельбу годится... так что вы меня уж лучше демобилизуйте, товарищ командир.

– Обрадовались – война кончилась! – рассердился командир части. – Близорукий ты человек, Краюхин! Иди, иди, паши, без тебя обойдемся!

– Так точно, обойдетесь, – согласился Андрей и пошел.

Когда пришел в родное село, встретила его жена Павла с двумя уже большими дочками и неизвестно откуда взявшимся восьмимесячным младенцем на руках. Сведения об отце в метриках младенца были самые малые: звать Иван, национальность – русский – вот и все сведения.

– Смотри, кто твой муж, – сказал Андрей и ткнул себя в грудь, и на груди у него зазелено. – А ты!..

Хотел он тут же изуродовать, измордовать жену, но передумал. Вспомнил про детишек своих родных, вспомнил, что другую искать придется, а с этой, пожалуй, теперь свободнее жить можно будет, самому будет больше прощаться: если что, то упрек воткнуть можно. Так что и пальцем даже не тронул, а вот младенцу отчество свое что-то пожадничал дать. Вроде и Краюхин, а... Иванович.

Памятуя тонкое знание Краюхиным техники, председатель предложил Андрею новый трактор, но тот отказался и попросил вернуть ему его старый СТЗ. Так состоялась вторая встреча Андрея с предметом своей первой любви, не прервавшаяся потом ни на один день до самой смерти.

Побежали дни разделенной любви и устроенной жизни. Младенец Ваня вырос и ушел в город, стал знаменитым инженером-ученым, а Андрей все не жалел, что не дал ему своего отчества. Зато родных сыновей Павла ему рожала с тракторными баранками в руках. Андрей радовался сыновья трактористам-медалистам, Героям Труда, а сам не мог расстаться со своим старым маломощным СТЗ. Уже

и старый председатель Иван ворчать стал, мол, в тягость колхозу эта развалина, новую машину из-за нее получить нельзя, ведь не списана она. Андрей обижался, мол, какая тут развалина, если ваши новые машины ломаются через каждый километр, бензину жрут прорву, а моя, мол, на керосине заводится, а работать, ежели постарается, может и на воде.

Председатель уважал Андрея, долго терпел, и наконец приперло – отдал распоряжение списать и порезать на металлолом старый СТЗ. Но посланный бригадир скоро вернулся в большом смятении и доложил, что Андрей Тимофеевич взбеленился и с вилами в руках никого не подпускает к трактору, и еще, что сейчас не война и рисковать жизнью людей он не имеет права. «Видно, время пришло вернуть Андрею Буяна», – подумал председатель и распорядился списать трактор, но оставить его на дворе Краюхина.

Так, сгорев когда-то на костре великих событий, которые происходят с человеком и человечеством, возродился из пепла как птица Феникс – Конь Буян.

8

На дальней бахче, у своего шалаша, сидит старик-сторож, шевелит огонь в костре, брызжет в глухое ночное небо пчелами-искрами, жизнь которых – секунда, не больше. А рядом не собака, не лошадь – «чудо-юдо рыба-кит», на четырех колесах, два маленьких и два больших со шпорами, с железной дырчатой седелкой.

Виктор Иванович Дятлов родился 14 июля 1948 года в рабочем поселке под Саратовом. После окончания школы учился в Саратовском культпросветучилище, получил диплом руководителя самодеятельных театральных коллективов и несколько лет проработал художником в заводском клубе. В 1969 году поехал на стройку в город Усолье-Сибирское под Иркутском, где работал путеукладчиком на строительстве железной дороги. Этих впечатлений хватило на то, чтобы написать несколько рассказов и поступить в 1970 году в Литературный институт им. Горького.

В 1975 году после окончания института работал журналистом, а потом и главным редактором газеты «Стерлитамакский рабочий» в Башкирии. Его рассказы и очерки публиковались в периодических изданиях и нескольких альманахах. Рассказ «Мой добрый конь» публикуется впервые.

